

В Диссертационный совет МГУ.08.01
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46,
Экономический факультет, 3-й новый учебный корпус, ауд. 318

ОТЗЫВ

официального оппонента
доктора экономических наук, старшего научного сотрудника
Макашевой Наталии Андреевны
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата экономических наук Сушенцовой Марии Сергеевны
на тему: «Этические ценности в экономической теории: историко-
методологический анализ»
по специальности 08.00.01 – «Экономическая теория» (область исследования -
3. История экономической мысли. 3.8. Возникновение новых школ и
направлений экономической мысли в условиях трансформации капитализма,
краха огосударствленной общественной системы и глобализации
экономических процессов. 3.9. Направления взаимовлияния и интеграции
различных направлений и школ экономической мысли. – 4. Методология
экономической науки. 4.1. Философские, этические и методологические
предпосылки экономических теорий. 4.3. Междисциплинарные взаимодействия
в экономической науке)

История экономической науки XX в. со всей очевидностью
свидетельствует о том, что серьезные потрясения в сфере экономики всегда
вызывают обострение дискуссий среди экономистов о состоянии и
перспективах их науки. Так было в 1930-е и 1970-е гг., это же, хотя и в слабой
форме, мы наблюдаем как реакцию на Великую рецессию 2008-2009 гг.

Ключевым вопросом дискуссий последних лет является вопрос о
состоянии макроэкономики, и в более узкой постановке – о качестве
макроэкономических моделей и о необходимых усовершенствованиях.
Довольно скоро после кризиса наметились контуры посткризисного
консенсуса: необходимость включения в модели более разработанного
финансового блока, гетерогенных экономических субъектов, более тесного
контакта макроэкономики с другими разделами экономики. Однако все это, как
правило, не затрагивало базисных основ современной экономической науки.

Понимание предмета и метода оставалось в основном прежнем, хотя уже само существование таких направлений, как поведенческая экономика, экономическая психология или экономическая социология, говорит о многом. Но в целом изменения в методологии процесс сложный, медленный и противоречивый. В разгар финансового кризиса можно было услышать сетования по поводу, например, того, что экономисты не достаточно учитывают в моделях отклонения от рациональности, культурные, институциональные и иные факторы. Экономическая теория в ее ортодоксальном модельном варианте не очень готова выйти за привычные методологические рамки, в частности сохраняется убежденность в том, что экономическая наука должна быть свободной от этики, что не удивительно.

Вся история экономической мысли свидетельствует о том, что экономическая наука развивалась параллельно и в связи с процессом изгнания этики из экономического дискурса. И этот процесс был своего рода платой за превращение экономической науки (политической экономии) в настоящую науку, понимаемую в позитивистском смысле. При этом сегодня мы наблюдаем рост интереса к проблеме этики в экономической науке. Осмысление этого процесса является актуальной и сложной задачей, без решения которой невозможно не только оценивать современное состояние дел в экономической науке, но и понимать содержание и ограничения экономической политики.

Представленная диссертация предлагает анализ сложного и противоречивого процесса изменения места этического компонента в экономической науке. Автор стремится определить и охарактеризовать важнейшие этапы этого процесса, показать его нелинейный характер.

Пересечение этики и экономической науки возможно анализировать через объект, т.е. сосредоточившись на этических факторах экономического поведения людей, и через субъект, когда этическая позиция привносится ученым-экономистом. Автор делает выбор в пользу первого (см. с. 9, 16 автореферата, с. 23 диссертации), что логично, если рассматривать эволюцию экономической мысли сквозь призму утвердившегося методологического

канона — принципа методологического индивидуализма. В этой логике исследователь обращается к этике, оставаясь, если можно так сказать, на территории микроэкономики. Однако закономерен вопрос: можем ли мы исключать из рассмотрения макроэкономику, ссылаясь на то, что она производна от микро-, и в ней этическая компонента присутствует только опосредованно? По логике диссертанта ответ должен быть положительным. Но тогда снимается целый комплекс этически нагруженных вопросов, важных не только с теоретической, но и практической точек зрения. Сказанное следует рассматривать скорее не как упрек диссертанту или недостаток работы, а как указание на возможное направление дальнейших исследований.

Одним из важнейших достижений автора является предложенная схема анализа этического содержания экономических концепций. В соответствие с этой схемой задается и структура каждой главы и логический каркас всей работы. Применение общей схемы, а также представленная в работе широкая историческая картина попыток решения проблемы этики в экономике, убедительно показывают, с одной стороны, противоречивость требования логического соединения этического и теоретического, а с другой стороны, неудовлетворенность экономистов полным исключением этических элементов из экономического дискурса.

Диссертант начинает свое исследование с рассмотрения и сравнения позиций А.Смита и Дж.Локка, касающихся присутствия этики в системе их экономических взглядов. Диссертант обсуждает очень тонкие различия в этических воззрениях этих экономистов и философов, справедливо указывает на принципиальную общность — веру в божественную природу естественного закона и человека. При этом диссертант показывает путь, который проделали оба мыслителя от обсуждения абсолютных ценностей, относящихся к человеку, к экономическим категориям, с одной стороны, и к проблеме общественного порядка, - с другой. И Смит, и Локк, признав труд источником ценности, тем самым уже наметили связь между экономическими категориями и этикой.

Если у Смита и Локка источники нравственной ценности находятся главным образом внутри человека, то у Гоббса и еще в большей степени у МанDEVИЛЛЯ, они оказываются внешними. Гоббс превращает добродетели в правила поведения, а МанDEVИЛЛЬ рассматривает их с точки зрения последствий для процветания, т.е. с точки зрения богатства. Отсюда и знаменитые рассуждения МанDEVИЛЛЯ в его «Басни о пчелах» о сомнительной ценности бережливости и добродетельности, создающих препятствия к процветанию.

В басне МанDEVИЛЛЬ иронизирует над нравственностью и провозглашает новый идеал – богатство. Он вполне может претендовать на роль духовного отца современной экономической науки. Но ее настоящим отцом, если говорить о методологии, следует считать Дж.С.Милля.

Я совершенно согласна с мнением диссертанта о том, что Милль и И.Бентам перевели этические рассуждения в плоскость позитивного, сделали важный, можно сказать, принципиальный шаг из сферы нравственного в сферу рационального. Они также поставили вопрос о границах принципа гедонизма и объективного критерия счастья. Всем известна максима Бентама – максимум счастья для максимального числа людей. Конечно, он допускал, что индивидуальное счастье может включать и благо других людей просто в силу «просвещенной благосклонности», выработанной, например, воспитанием. Однако у Бентама и еще в большей степени у Милля важнее другое, - а именно оценка индивидуального поведения с точки зрения долгосрочных последствий для общества. В этом можно увидеть «торжество» рациональности, с одной стороны, и уход от моральной оценки индивидуальных целей и мотивов, - с другой. Не менее важным был и сдвиг в сторону эмпирического знания, провозглашенный Миллем.

Милль впервые прямо поставил проблему методологии экономической науки, предложил разграничить в политической экономии позитивную и нормативную составляющие, связал последнюю прежде всего с проблемой распределения и тем самым «узаконил» дистрибутивный подход к вопросу

справедливости. Он же высказал идею о гипотетическом характере экономических законов. Значение этих сдвигов для экономической науки и ее методологии трудно переоценить.

Хочу заметить, что через многие десятилетия после Милля над проблемами общественных последствий индивидуальных действий и определением понятия добра размышлял (заметим, не без влияния Дж.Мура и его «Принципов этики») молодой Дж.М.Кейнс. Эти размышления, безусловно, повлияли на формирование его экономического мировоззрения.

Конечно, позиции Бентама и Милля не были прямолинейными. Диссертант отмечает их двойственность, связанную со стремлением, утверждая позитивный метод, оставить место абсолютным ценностям. Так, Милль защищал индивидуальную свободу как абсолютную ценность и в то же время писал о ее пользе для процветания нации.

Две первые главы диссертации, имея самостоятельное значение, являются в какой-то мере историческим предисловием к анализу взаимоотношений между этикой и экономической наукой в XX веке. Третья глава работы представляет особый интерес не только потому, что автор обращается к более близкому нам времени и рассматривает проблемы, имеющие отношение к решению практических вопросов современной политики, но и потому, что обозначает нити, связывающие экономическую науку XX в. – начала XXI в. с ее прошлым.

Автор характеризует отношения между экономической наукой и этикой в XX в. как колебание между жесткой и более мягкой формами размежевания. Процесс профессионализации экономической науки, начавшийся в конце XIX в., шел параллельно с развитием формальных методов анализа, включая статистический и эконометрический. На этот процесс оказывали влияния достижения естественных наук, вызывая желание экономистов поставить анализ на прочный научный фундамент. Не удивительно, что все это способствовало формированию представления, что этике не место в экономической науке в строгом смысле (теории), хотя и

признавалась ее роль в том, что Дж.Н.Кейнс и еще раньше Л.Вальрас называли искусством.

Маржинализм вполне вписывался в эту тенденцию. Для него была характерна четкая установка на методологический индивидуализм – построение теоретической схемы на основе предпосылок о поведении экономического индивида (максимизатора), предпосылок, которые были умозрительными, основанными на интроспекции, но отчасти имели и эмпирические основания. Сложившаяся к концу XIX в. методологическая конструкция в 1930-е гг. была «укреплена» определением предмета экономической науки Л. Роббинсом.

Конечно, степень методологической «твердости» у разных экономистов была различной, и здесь весьма показателен пример Маршалла. Его пример был важен и в другом отношении, а именно в понимании экономической проблематики как предполагающей измерение, возможность которого обеспечивалась наличием денег. Таким образом методологическая установка оказалась связанной с экономической категорией, хотя для Маршалла деньги были не более, чем универсальным измерителем.

Как справедливо отмечает диссертант, и до Маршалла расчет стал признаком рационального поведения (с. 151-152 диссертации), но обратившись к измерениям, Маршалл расширил область экономического анализа по сравнению с областью, очерченной Миллем (с. 152). Я думаю, что Маршалл не столько расширил эту область, сколько придал ей дополнительное измерение. Благодаря маршалловской установке на измерение, например, старая максима Бентама получила практическое воплощение в общественной функции полезности. Вместе с тем, поскольку общественная функция полезности (в XX в. с ней работал, например, А. Пигу) предполагала кардиналистский подход к полезности и межличностные сравнения (т.е. нормативные установки), эта идея оказалась в конфликте с общей методологической установкой на этическую нейтральность экономической теории. Именно поэтому, современная теория благосостояния – эта самая этически нагруженная часть экономической теории, связана главным образом с

принципом оптимальности Парето. Но, как показано в диссертации, сегодня и этот принцип подвергается критике. Проблема соотношения индивидуальных и общественных интересов не была решена в общем виде, но начиная с Маршалла были предложены ее частые решения.

Значительное место в третьей главе занимает анализ методологической позиции Ф.Найта, которая представлена на фоне позиций непримиримых борцов за чистоту экономической теории Л. Роббинса и Л.Мизеса. Замечу, что в истории экономической мысли Найту уделено недостаточно внимания. Его взгляды обсуждаются главным образом в связи с проблемами риска и неопределенности. В данном же случае диссертант обращается к позиции этого ученого по вопросу соотношения этики и экономики.

Я вполне согласна с автором, что благодаря характерному для него «динамическому» видению экономической реальности Найт попытался преодолеть ограниченность экономического подхода при анализе сознательной деятельности человека. Эту ограниченность он объяснял тем, что в рамках данного подхода цели (желания) фиксировались и в зависимости от них (в соответствие с принципом эффективности) оценивались блага. С точки зрения Найта, человек стремится к тому, что он уже оценил, иными словами, оценивание опережает желание. Это подразумевает более глубокую связь экономического поведения с этическими установками, а следовательно, необходимость и возможность обсуждения ценностей. Тем самым Найт корректировал представление о предмете экономической науки, делал методологическую схему менее жесткой. В каком-то смысле, - и здесь я соглашусь с диссертантом, Найт предвосхитил возрождение интереса к проблемам этики, которое произошло в последней трети XX в.

Что же касается продвижения этической проблематики в экономическую теорию, то здесь огромную роль сыграла теория выявленных предпочтений П. Самуэльсона. Эта теория позволила перевести рассуждения о субъективной полезности в плоскость предпочтений, которые можно наблюдать извне. Однако стремление сделать субъективную полезность

«работающей» категорией, воспринималось как покушение на «чистую методологию», вызывая ответную реакцию.

Примером может служить методологический манифест М.Фридмена, сформулированный в знаменитом эссе «Методология позитивной экономической науки» (1953). Можно предположить, что наблюдая прогресс в области эмпирических исследований в экономической науке, Фридмен увидел возможность освободить экономистов от склонности к «метафизическим» рассуждениям о полезности, ценности и т.д. Он предложил озаботиться надежностью прогноза, а не качеством предпосылок, тем самым сделать экономическую науку эмпирической дисциплиной.

Однако радикальный эмпиризм Фридмена, хотя и до сих пор интересует историков и методологов, довольно скоро стал скорее фактом истории, нежели магистральным направлением методологии. Этому способствовало не только сопротивление приверженцев «чистой теории» и методологии, которая имела поддержку у Поппера, но и сдвиги в философии науки (схемы Лакатоша и Куна), а также влияние постпозитивизма на экономическую методологию. Благодаря этим процессам и общественному запросу на приемлемые политические решения, возрос интерес к проблеме нормативного содержания экономической теории в целом, к теории благосостояния, в частности.

В результате «методологический маятник», если использовать терминологию диссертации, качнулся в сторону этики. В третьей главе также показано, что этот «маятник» имел, если так можно сказать, несколько измерений. Так, этот общий сдвиг затронул трактовку таких категорий, как ценность (от «субъективного толкования к поиску более общего объективного критерия», например, у А. Сена - с. 196), свобода (негативная или позитивная), рациональность (признание множественности предпочтений, временного аспекта и масштаба максимизации, эмпирически установленных ограничений рациональности у Канемана и Тверски, расширение этого понятия у Сена и т.д.), эффективность (критика критерия Парето, признание «легитимности»

обсуждения распределения и, следовательно, справедливости и равенства, неизбежности социальной оценки в целом). В конечном счете речь идет о поиске компромисса между научной объективностью и социальной значимостью экономической науки.

Диссертант достаточно обстоятельно освещает эти процессы, демонстрирует хорошее владение материалом, высказывает собственную точку зрения по проблеме эволюции методологического каркаса экономической науки и ее обосновывает.

В заключении сформулированы основные выводы диссертационной работы, свидетельствующие о том, что поставленная диссертантом задача выполнена, что диссертационная работа является самостоятельным исследованием, содержащим элементы научной новизны и имеющим теоретическую и практическую значимость.

Безусловным достоинством работы является присутствие в ней многочисленных таблиц, облегчающих восприятие текста.

Работа написана хорошим русским языком, ее структура логична. Автореферат отражает ее содержание, а опубликованные по теме диссертации работы представляют позицию диссертанта по теме диссертации.

Отмечая высокий уровень анализа и обоснованность выводов, а также хорошее впечатление от работы в целом, считаю необходимым некоторые замечания.

1. Как известно, недостатки часто являются продолжением достоинств. В данном случае безусловное достоинство работы - подробный анализ текстов. Порой даже создается представление, что диссертант получает эстетическое удовольствие от работы с текстами великих экономистов прошлого. В ряде случаев автор слишком углубляется в обсуждение философских аспектов проблем этики, несколько отдаляясь от экономической области. Этим, возможно, объясняется растянутость первой главы и некоторых параграфов второй главы, а также отчасти обзорный характер работы.

2. Я совершенно согласна с тем, что самым общим уровнем пересечения этики и экономической науки является объект исследования и что общее соотношение этического и экономического зависит от предмета экономической науки (с. 228 диссертации, с.16 автореферата). Согласна я и с тем, что предмет определялся неоднозначно. Однако, мне представляются не совсем удачными формулировки трех вариантов определения предмета. Например, в качестве предмета называются материальные объекты и дается ссылка на Л. Вальраса. Полагаю, что предметом его теории являются состояние равновесия и равновесные цены, а объектом – система изолированных (независимых) индивидов, реализующих свои цели (максимизация полезности) посредством рыночного взаимодействия.

То же самое касается и других вариантов определения предмета. Условия среды, конечно, очень важны в теории Нельсона и Уинтера, но предметом, по моему, является поведение фирмы на конкурентном рынке в условиях неопределенности, связанной с инновационной деятельностью.

Я бы также не стала объединять в одну группу по критерию предмета А.Смита и Л. Роббинса. Смит придавал огромное значение поведению людей, но предметом его теории было богатство народа, а для Роббинса – поведение человека, определяющего соотношение целей и ограниченного набора средств, которые могут иметь различное употребление.

3. В работе, и об этом диссертант пишет прямо, термины «экономическая наука», «экономическая теория» и «политическая экономия» употребляются как синонимы. Полагаю, что в диссертации по методологии и истории, было бы весьма желательно разграничить соответствующие понятия, тем более что изменения в терминологии имеют непосредственное отношение к сдвигам в методологии.

4. Образ маятника как характеристика отношений между экономической наукой и этикой как метафора, может быть, и хорош, но сомневаюсь, что в этом контексте уместно говорить о цикличности.

5. Характеризуя значение работ Т.Куна и И. Лакатоса, диссертант пишет, что благодаря этим ученым была дана «санкция» на явное рассмотрение нормативных элементов в науке. Хочу отметить, что эти нормативные элементы были проявлением деятельности ученых как профессионального сообщества и не имели прямого отношения к предмету научного исследования, что естественно, поскольку философы имели в виду естественные науки.

6. Считаю необходимым отметить несколько редакционных погрешностей.

- На с.20 автореферата читаем: «Ф. Найт выступил с критикой исключительности позитивного метода в экономическом познании, в частности, трактовки целей экономических агентов как фиксированных параметров, которая не нашла поддержки в мейнстриме». Не совсем понятно, что не нашло поддержки – критика или трактовка? Кроме того, сам факт, что цели не фиксированы (даже если при их определении важную роль играют нравственные факторы), еще не свидетельствует о неприменимости позитивного метода;

- На с. 9 автореферата, с 228 диссертации автор называет условиями «пересечения этики и экономической науки: объект исследования экономистов, который содержит этически значимые характеристики....», «определение предмета экономической науки как человеческое поведение (а); иное определение предмета – через материальные объекты (б); или условия экономической среды (в), исключает релевантность этического контекста»..... Смысл фразы понять трудно.

- На с. 12 автореферата при формулировании теоретической и практической значимости работы автор пишет: «В философском смысле это означает необходимость более открытого обнародования ценностной платформы экономических концепций, которая призвана концептуально сблизить экономическую теорию с политикой....». Что в данном случае означает «обнародовать» и «концептуально сблизить теорию с политикой»?

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 08.00.01 – «Экономическая теория» (по экономическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Сушенцова Мария Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.01 – «Экономическая теория».

Официальный оппонент:

Доктор экономических наук, старший научный сотрудник
Главный научный сотрудник отдела экономики ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»

Макашева Наталия Андреевна

Н.А. Макашева 11.10.2018

Контактные данные:

тел.: +7(495) 772-9590 доб. 26142, e-mail: nmakasheva@hse.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
08.00.01 – Экономическая теория

Адрес места работы:

117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

тел.: +7(495) 772-9590 доб. 26142, e-mail: nmakasheva@hse.ru

